

Николай Александрович

ЛЕЙКИН

1841 – 1906

Николай
ЛЕЙКИН

Наши за границей
Под южными небесами

Юмористическое описание
поездки супругов Николая Ивановича
и Глафиры Семеновны Ивановых
в Биарриц и Мадрид

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44
Л 42

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Подготовка текста и комментарии Аллы Степановой

ISBN 978-5-389-27034-3

© А. С. Степанова, комментарии, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

I

Стояла теплая ясная осень, но по ночам температура воздуха значительно понижалась. Каштановые деревья и белые акации на парижских бульварах давно уже пожелтели и обсыпали тротуары желтым скоробившимся листом. Стоял конец сентября по новому стилю. Был девятый час утра. Каретка общества «Урбен» с кучером в белой лакированной шляпе, выехав из улицы Ришелье в Париже, давно уже тащилась к самому отдаленному от парижского центра железнодорожному вокзалу — к вокзалу Орлеанской железной дороги. Рядом с кучером стоял большой дорожный сундук, залепленный самыми разнообразными цветными бумажными ярлыками с надписями городов и гостиниц. В каретке среди саквояжей, баульчиков, картонок со шляпами и связки с двумя подушками, завернутыми в пледы, сидели русские путешественники супруги Николай Иванович и Глафира Семеновна Ивановы. Николай Иванович курил, выпуская изо рта густые струи дыма. Глафира Семеновна морщилась и попрекала мужа.

— На минуту не можешь обойтись без соски, — говорила она и кашлянула. — Учись у французов. Они курят только после еды, а ведь ты как засосешь

спозаранку, да так до ночи и тянешь. Все глаза мне задымил... И в нос, и в рот... Брось...

— Да уж докурил. Две-три затяжки только... — спокойно отвечал муж.

— Брось, тебе говорят! Ты видишь, мне першит!

Она вырвала из руки мужа папироску и выкинула за окно кареты.

Карета переехала уже два моста и тащилась по набережной.

— Удивительное дело: сколько раз мы ездили за границу и ни разу не были в Биаррице, — сказал супруг после некоторого молчания.

— Да ведь ты же... — опять набросилась на него Глафира Семеновна. — Всякий раз я говорила тебе, что у меня ревматизм в плече и коленке, что мне нужны морские купанья, но ты не внимаешь. Еще когда мы были на последней Парижской выставке, я у тебя просилась съездить покупаться в Трувиль...

— В первый раз слышу.

— Ты все в первый раз слышишь, что до жены касается. У тебя уши уж так устроены. А между тем в Париже на выставке я даже купила себе тогда купальный костюм.

— Ты купила себе, насколько мне помнится, красную шерстяную фуфайку и красные панталоны.

— Так ведь это-то купальный костюм и был. И так зря, ни за что тогда съела у меня в Петербурге моль этот костюм.

— Ну, матушка, если в таком костюме, какой ты купила тогда в Париже, купаться даме при всей публике, то мое почтение! Совсем на акробатический манер...

— Молчите. Что вы понимаете!

— Понимаю, что срам...

— Но если это принято и дамы купаются в костюмах, которые еще срамнее, так неужели же мне отставать? В чужой монастырь с своим уставом не ходят. Впрочем, ведь на купальные костюмы мода, как и на все другое. И я, как приеду в Биарриц, сейчас же куплю себе там самый модный купальный костюм.

— Только уж, прошу тебя, поскромнее.

— Не ваше дело. Какой в моде, такой и куплю.

— Декольты-то этой самой поменьше.

— Мне нечего утаивать. У меня все хорошо, все в порядке. А если так принято...

— Но ведь ты дама хорошего купеческого круга, а не какая-нибудь, с позволения сказать...

— Если есть чем похвастать, то отчего же не похвастать и даме из хорошего купеческого круга? Ведь если бы дама тайком от мужа, а тут... Решительно ничего не вижу предосудительного. Но главное, на морских купаньях это принято, — закончила Глафира Семеновна тоном, не допускающим возражения, и умолкла.

Умолк и Николай Иванович. Он видел, что жена уж начинает его поддразнивать, и знал по опыту, что чем больше он будет ей возражать, тем сильнее она закусит свои удила и будет его поддразнивать. Это состояние супруги он обыкновенно называл «закусить удила».

Карета подъехала к самому вокзалу Орлеанской железной дороги, закоптелому и грязному на вид, и остановилась у подъезда. К карете подскочили носильщики в синих блузах с номерами на форменных фуражках и стали вынимать из кареты багаж.

— Директ а Биарриц, — сказал Николай Иванович носильщику, вылезая из кареты с пачкой зонтиков и тростей. — Е шерше вагон авек коридор...¹

— Вуй, вуй². Непременно вагон первого класса с коридором, в котором была бы уборная, — прибавила, в свою очередь, и Глафира Семеновна тоже на ломаном французском языке и пояснила по-русски: — А то эти французские купе каретками с двумя дверями и без уборной — чистое наказание. Ведь более полусуток ехать. Ни поправиться, ни рук вымыть, ни... — улыбнулась она, не договорив, и, кивнув носильщику, опять перешла на французский язык: — Если будет для нас купе с коридором — получите хорошо за услугу.

Носильщик, захватив из кареты мелкие вещи, пошел в вокзал за тележкой для крупного багажа. Глафира Семеновна, опасаясь за свои новые шляпки в картонках, только что купленные в Париже, побежала, слегка переваливаясь с ноги на ногу, за носильщиком и кричала ему, мешая русские слова с французскими:

— Экуте... Же ву при картонки поосторожнее! Се сон ле шапо... Не опрокидывать их... Ту ба... Ву компрене?³ — спрашивала она, опередив носильщика.

Но тот, полагая, что его подозревают, чтобы он не скрылся с вещами, указал на свой номер на фуражке и отвечал по-французски:

— Номер шестьдесят девять, мадам... Будьте покойны.

¹ Прямо в Биарриц... И найдите вагон с коридором. — *Здесь и далее при переводе ошибки в иностранных языках не отражены.*

² Да, да.

³ Слушайте... Прошу вас... Это шляпы... Все низом... Вы понимаете?

Супруги Ивановы, как и все русские за границей, приехали к поезду еще задолго до его отправления. Даже билетная касса была еще заперта. Они были на вокзале первыми пассажирами. Глафира Семеновна, как всегда, и за это набросилась на мужа.

— Ну вот, целый час ждать поезда. Даже билеты купить нельзя. Ходи и слоняйся, пока откроют кассу. А все ты! — восклицала она. — «Скорей, Глаша! Торопись, Глаша! Не копайся, Глаша!»

— Так что за беда, что рано приехали? — отвечал муж. — Опоздать неприятно, а приехать раньше отлично. Хорошие места себе зайдем в вагоне с коридором. Ты знаешь, места-то в вагоне с уборной берут чуть не штурмом. Наконец, взявши билеты, пока не впускают еще в поезд, можно пройти в ресторан.

— Нет, насчет ресторана-то ты уж оставь. Кофе мы пили в гостинице, а глотать вино с раннего утра тебе не позволю.

— Не пить сейчас, но захватить с собой в вагон бутылочку не мешает. Ведь это поезд-экспресс... Летит, как молния... Нигде на станциях не останавливается. Начнется жажда...

— Вздор. С нами пойдет ресторан в поезде.

— Какой же на французских железных дорогах ресторан! Ведь это не неметчина с поездом гармониями.

Носильщик между тем, уложив весь ручной багаж супругов на тележку, тыкал пальцем в тюк с подушками, высовывающимися из пледов, и, улыбаясь, спрашивал:

— Les russes?

— Рюсс, рюсс... — кивнула ему Глафира Семеновна, тоже улыбнувшись, и сказала мужу: — По подушкам узнал.

— Brave nation!¹ — похвалил носильщик русских и прищелкнул языком.

Кассир отворил кассу, и Николай Иванович бросился к его окошечку за билетом.

II

Не прошло и десяти минут, как супруги Ивановы сидели уже в купе вагона первого класса с коридором и уборной — единственном вагоне с коридором во всем поезде.

— Отвоевали себе местечки в удобном вагончике! — радостно и торжественно говорила Глафира Семеновна, располагаясь в купе с своими вещами.

— Да хорошо еще, что такой вагон в поезде-то нашелся, а то иногда во французских поездах с коридором-то и не бывает, — тоже торжествуя отвечал Николай Иванович и на радостях дал носильщику целый франк. — На, получай и моли Бога о здравии раба божьего Николая, — сказал он ему по-русски, но, ощутив в кармане медяки, сунул носильщику и их, прибавив: — Вот тебе и еще ребятишкам на молочишко три французские пятака. С Богом... Мерси... — приветливо махнул он ему рукой.

— Bon voyage, monsieur...² — раскланялся с ним носильщик, улыбаясь во всю ширину своего рта по поводу такой особенной щедрости.

Мадам Иванова была так рада удачному занятию мест, что даже перестала придирааться к мужу, но, не особенно доверяя себе в том, что вагон их с уборной, тотчас же пошла убедиться в этом.

¹ Храбрая нация!

² Счастливого пути, месье...

— Всё в порядке... — любезно подмигнула она мужу. — Раскладывай поскорей вещи-то по сиденьям. Николай Иванович стал раскладывать вещи.

— Почти еще полчаса до отхода поезда, — говорил он, взглянув на станционные часы. — За что люблю французов? За то, что у них на конечных пунктах, как и у нас в России, заранее в вагоны забираться можно. Ведь вот поезду еще полчаса стоять, а мы уж сидим. Можно и в окошечко посмотреть, публику покритиковать, водицы содовой выпить, газетку купить. Одним словом, без спешки, с прохладцей... А ну-ка, попробуй это в Берлине! Там на станции Фридрихштрассе примчится не ведь откуда поезд и трех минут не стоит. Все бросаются в поезд, как на пожар... вагоны берут чуть не штурмом. Не успеешь даже разглядеть, куда садишься. Носильщик зря бросает в вагон вещи. Некогда пересчитать их. Насилу успеешь сунуть ему никелевые пфенниги за труды — фю-ю-ю, и помчался поезд. А здесь куда проще. Нет, французы нам куда ближе немцев!..

Николай Иванович выглянул в окошко и купил у разносчика газету «Фигаро».

— Зачем ты это? Ведь читать ты не будешь, — заметила ему жена.

— А может быть, кое-что прочту и пойму, — отвечал он. — Во-первых, в «Фигаро» всегда картинка есть. Картинку посмотреть можно. Наконец, о приездах. Кто из русских в Париж приехал. Это-то уж я всегда понять могу... Да и вообще приятно в путешествии быть с газеткой.

Он надел пенсне, развернул газету и стал смотреть в нее, но тотчас же отложил в сторону.

— Пойду-ка я в буфет... Как ты хочешь, а бутылочку винца надо с собой захватить, — сказал он жене.

— Незачем, — строго остановила его та. — Ты уйдешь из вагона, а здесь увидят, что я одна, и сейчас же займут места в купе.

— Однако, душечка, ведь это экспресс... Поезд полетит без остановки. Нас жажда замучить может. Ведь и тебе не мешает глоточек винца сделать.

— О мне прошу не заботиться... А ваше пьянство за границей мне уже надоело. Стоит только вспомнить Турцию, где мы с тобой были в прошлом году, так и то меня в дрожь бросает. Уж, кажется, турки и народ-то такой, которым вино законом запрещено, но ухитрялся же ты...

— Позволь... Но какое же тут пьянство, если я одну бутылку вина-ординера?

— Сиди... От жажды у меня яблоки с собой есть.

И муж повинился. Он вышел в коридор и стал смотреть в окошко. Прошли дама с мужчиной. Мужчина был в усах, в светлом пальто и фетровой серой шляпе. Пальто сидело на нем как на вешалке и было далеко не первой свежести. Они говорили по-русски.

«Наверное военный, — подумал про мужчину Николай Иванович. — Не умеют военные за границей статское платье носить».

Догадка его подтвердилась. Мужчина говорил даме:

— Представь себе, мне все кажется, что я где-нибудь свою шашку забыл. Хвачусь за бедро, нет шашки, и даже сердце екнуло. Удивительная сила привычки.

Николай Иванович обернулся к жене и сказал:

— С нами в поезде русские едут: мужчина и дама.

— Что ж тут удивительного? Я думаю, даже и не один русский мужчина с дамой, а наверное целый десяток, — отвечала Глафира Семеновна. — Теперь в Биаррице начало русского сезона. Ведь потому-то я тебя туда и везу. Туда русские всегда наезжают на сентябрь месяц и живут до половины октября. Я читала об этом.

Через минуту и в конце коридора послышалась русская речь. Кто-то плевался и произнес:

— Черт знает, какие здесь во Франции папиросы делают! Словно они не табаком, а мочалой набиты. Мочалой набиты да еще керосином политы. Право. Не то керосином, не то кошкой пахнут.

— Глаша! И в нашем вагоне русские сидят, — снова заглянул в купе к жене Николай Иванович.

— Ну вот видишь. Я же говорила тебе... Мадам Кургузова говорила мне в Петербурге, что теперь Биарриц переполнен русскими.

— Но все-таки в поезде не много пассажиров. Разве на пути садиться будут, — заметил супруг, сел на свое место, достал из саквояжа путеводитель Ашетта и развернул карту Южной Франции.

— Конечно же, по пути будут садиться, — продолжал он, смотря в карту. — По пути будет много больших городов. Вот Орлеан... Это где Орлеанская-то дева была. Помнишь Орлеанскую деву? Мы пьесу такую видели.

— Еще бы не помнить. Еще в первом акте ты чуть не заснул в театре, — отвечала Глафира Семеновна.

— Уж и заснул! Скажешь тоже... — пробормотал Николай Иванович.

— Однако храпеть начал. С ног срезал... Действительно, эта Орлеанская дева что-то уж очень много ныла. Монологи длинные-предлинные... Но как же спать-то!

— Да не спал я... Брось... Бордо будет по дороге... — рассказывал Николай Иванович. — Это откуда к нам бордоское вино идет. Бордо... Бордо — большой город во Франции. Я читал про него. Торговый город. Вином торгуют. Вот бы нам где остановиться и посмотреть.

— И думать не смей! С какой стати? Поехали в Биарриц, так прямо в Биарриц и проедем.

— Всемирный винный город. При громадной реке город... У нас билеты проездные действительны на пять дней. Остановились бы, так по крайности настоящего бордо попробовали.

— А я вот винных-то этих городов и боюсь, когда с тобой путешествую. Бордо... Пожалуйста, ты эту Борду выкинь из головы.

— Да ведь я ежели говорю, то говорю для самообразования. Путешествие — это самообразование... — доказывал Николай Иванович.

Часы по парижскому времени показывали девять часов тридцать пять минут. Кондуктор провозгласил приглашение садиться в вагоны и стал захлопывать дверцы вагонов, запирая их на задвижки. Раздался свисток обер-кондуктора. Ему откликнулся паровоз, и поезд тронулся.

Глафира Семеновна перекрестилась:

— Давнишняя моя мечта исполняется. Я еду в Биарриц на морские купанья.

III

Поезд-экспресс, постепенно ускоряя ход, вышел из пределов Парижа и несся вовсю, мелькая мимо полустанок, около которых ютились красивые дачные домики парижан, огороженные каменными за-

борами. С высоты поезда за заборами виднелись садики с фруктовыми деревьями и другими насаждениями, огородики с овощами. Попадались фермы с скученными хозяйственными постройками, пасущиеся на миниатюрных лужках коровы и козы, привязанные на веревках за рога к деревьям, фермерские работники, работающие в синих блузах и колпаках. Некоторые из рабочих, слыша несшийся на всех парах поезд, переставали работать, втыкали заступы в землю и, уперев руки в бока, тупо смотрели на мелькающие мимо них вагоны. Из придорожных канав вылетали утки, испуганные шумом. Погода стояла прекрасная, солнечная, а потому чуть ли не в каждой домишке сушили белье. Белье сушилось на протянутых веревках, на оголенных от листьев фруктовых деревьях, на балконах и иногда даже на черепичных крышах. Николай Иванович смотрел в окно и воскликнул:

— Да что они, по команде все выстирались, что ли! В каждой домишке стирка.

Вскоре, однако, однообразные, хоть и ласкающие взоры виды приелись. Николай Иванович перестал смотреть в окно и, вооружившись пенсне, снова стал рассматривать карту Франции, приложенную к путеводителю. Смотрел он в карту долго. Тряска вагона мешала ему читать мелкие надписи городов. Но вдруг лицо его прояснилось, и он произнес:

— Мимо каких знаменитых городов-то мы поедем!

— Мимо каких? — задала вопрос Глафира Семеновна, от нечего делать кушавшая шоколадные лепешки из коробки.

— Да мимо Бордо, мимо Ньюи, Медока... Все они тут. Наверное и Шато-Марго тут, и Сан-Жюльен...

— А чем они знамениты, эти города?..

— Бог мой! Чем они знамениты... Да неужели ты не знаешь?.. А еще в хорошем пансионе училась. Ньюи, Медок, Марго, Лафит — это все винные города.

— Какие?

— Винные... Где вино делают.

— Тьфу ты! А я думала, и не ведь чем знамениты! Да разве девиц в пансионе про винные города учат? Я думаю, и у мальчиков-то эти города из географии вычеркивают.

— Нет, у нас учили. Про все хмельные города учили. Я и по сейчас помню, где Херес в испанской земле лежит. У меня в карте, когда я учился, он был даже красными чернилами обведен.

— Хвастайся! Хвастайся! Разве это хорошо? — сказала мужу Глафира Семеновна.

Николай Иванович продолжал разглядывать карту.

— Бордо, Ньюи, Медок... Когда еще в другой раз будем в этих краях — неизвестно. А теперь едем почти что мимо — и вдруг не заехать!

— Опять? И из головы выбрось, и думать об этом не смей!

— Да я так, я ничего... А только, согласись сама, быть у самого источника виноделия и не испробовать на месте — непростительно. Ты женщина молодая, любознательная.

— Пожалуйста, не заговаривайте мне зубы! — строго сказала жена. — Едем мы в Биарриц, и никуда я не сверну до Биаррица... а тем более в хмельные города.

— Батюшки! И Коньяк тут! — воскликнул Николай Иванович, ткнув пальцем в карту. — Глаша!

Коньяк! Вот он, не доезжая Бордо, вправо от железной дороги лежит. Знаменитый Коньяк, вылечивший столько лиц во время холеры... Коньяк... Скажи на милость... Ты, душечка, и сама им, кажется, лечилась столько раз от живота? — обратился он к жене.

— Оставь ты меня, пожалуйста, в покое! Не подговаривайся. Никуда я не сверну. Выбрал самый хмельной город и хочет туда свернуть...

— Допустим, что он очень хмельной... но ведь я не ради пьянства хотел бы в нем побывать и посмотреть, как вино делают, а прямо для самообразования...

— Знаю я твое самообразование!

— Для культуры... И главное, как близко от железной дороги этот самый Коньяк. Чуть-чуть в сторону... Сама же ты стоишь за культуру и прогресс...

— Никуда мы не свернем с дороги... — отрезала Глафира Семеновна.

— Да хорошо, хорошо... Слышу я... Но ты посмотри, Глаша, как это близко от железной дороги.

Николай Иванович протянул жене книгу с картой, но та вышибла у него книгу из рук. Он крикнул и стал поднимать с пола книгу.

В это время отворилась дверь купе и на пороге остановился молодой человек в коричневом пиджаке с позументом на воротнике, с карандашом за ухом и в фуражке с надписью по-французски: «Ресторан». Он говорил что-то по-французски. Из речи его супруги поняли только два слова: дежене и дине¹.

— Как?! С нами едет ресторан! — воскликнул Николай Иванович, оживившись. — Глаша! Ресторан! Вот это сюрприз.

¹ Завтрак и обед.

— Я говорила тебе, что есть ресторан, — кивнула ему супруга.

— Ме коман донк ресторан?¹ — обратился было к гарсону по-французски Николай Иванович, но тут же сбился, не находя французских слов для дальнейшей речи. — Глаша, спроси у него, — коман донк ресторан в поезде, если поезд без гармонии? Как же в вагон-ресторан-то попасть из нашего вагона, если прохода нет?

Начала спрашивать ресторанный гарсона Глафира Семеновна по-французски и тоже сбилась. Гарсон между тем совал билеты на завтрак и разъяснял по-французски, на каких станциях и в какие часы супруги могут выйти из своего вагона во время остановки поезда и пересесть в вагон-ресторан. Билеты были красного цвета и голубые, так как всех желающих завтракать ресторан мог накормить не сразу, а в две смены.

— Дежене? — спросила гарсона Глафира Семеновна и сказала мужу: — Что ж, возьмем два билета на завтрак. Ведь уж если он предлагает билеты, то как-нибудь перетащит нас из нашего вагона в вагон-ресторан.

— Непременно возьмем. Нельзя же не пивши, не евши целые сутки в поезде мчаться. Погибнешь... — радостно отвечал супруг. — Но какие же билеты взять: красные или голубые?

— Да уж бери какие дороже, чтобы кошатиной не накормили. Кель при?² — задала гарсону вопрос Глафира Семеновна, указывая на голубой билет.

— *Quatre francs, madame...* — отвечал тот. — *Mais vous payez après.*

¹ Но как так ресторан?

² Какая цена?

— Четыре франка за голубой билет, — пояснила она мужу. — А платить потом.

— А красный билет почему? Муж, биле руж комбьян? — спросил Николай Иванович гарсона, тыкая в красный билет.

— La même prix, monsieur, — и гарсон опять заговорил что-то по-французски.

— И красные, и голубые билеты одной цены, — перевела мужу Глафира Семеновна.

Значение разного цвета билетов супруги не поняли.

— Странно... Зачем же тогда делать разного цвета билеты, если они одной цены?.. — произнес Николай Иванович и спросил жену: — Так какого же цвета брать билеты? По красному или по голубому будем завтракать?

— Да уж бери красные на счастье, — был ответ со стороны супруги.

Николай Иванович взял два красные билета. Гарсон поклонился и исчез, захлопнув дверь купе.

IV

В полдень на какой-то станции, не доезжая до Орлеана, была остановка. Кондукторы прокричали, что поезд стоит столько-то минут. По коридору вагона шли пассажиры, направляясь к выходу. Из слова «déjeuner», несколько раз произнесенного в их французской речи, супруги Ивановы поняли, что пассажиры направляются в вагон-ресторан завтракать. Всполошились и они. Глафира Семеновна захватила свой сак, в котором у нее находились туалетные принадлежности и бриллианты, и тоже начала выходить из вагона. Супруг ее следовал за ней.

Лейкин Н.

Л 42 Наши за границей. Под южными небесами : Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Биарриц и Мадрид / Николай Лейкин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 480 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-27034-3

Николай Александрович Лейкин — в свое время известный петербургский писатель-юморист, журналист, издатель. «Наши за границей» — одно из самых известных произведений Лейкина. Веселое повествование о путешествиях купца Николая Ивановича Иванова и его жены Глафиры Семеновны, о забавных приключениях и всевозможных недоразумениях, которые случаются с героями в чужих краях, настолько понравилось читателям, что Лейкин написал несколько продолжений. «Под южными небесами» — четвертая, и последняя часть этого цикла. Супруги, уже бывалые путешественники, отправляются во Францию, в курортный город Биарриц, где Николай Иванович становится героем газетной хроники, а Глафира Семеновна, выйдя на пляж в купальном костюме, производит настоящий фурор. Затем герои едут в Мадрид, но вскоре покидают Испанию: причиной становится испанский капитан, поклонник Глафиры Семеновны. Лейкин с юмором изображает соотечественников, знакомящихся с чужой историей и культурой, совершающих для себя множество открытий, но неизменно тоскующих за границей по русскому чаепитию с самоваром.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕЙКИН

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ
ПОД ЮЖНЫМИ НЕБЕСАМИ

*Юмористическое описание поездки супругов
Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых
в Биарриц и Мадрид*

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.10.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-AKB-36835-01-R